

1. Сергей

Каждый человек на подсознательном уровне боится, что его примут за сумасшедшего. Особенно когда с ним случаются ужасные и необъяснимые вещи, о которых ему просто необходимо кому-то рассказать.

Так случилось и со мной в то туманное февральское утро, когда я стоял у окна с чашкой кофе в руке, все еще сомневаясь в собственном намерении выйти из дома, чтобы встретиться с девушкой по имени Лиза.

Будь она просто Лизой, я имею в виду обыкновенной девушкой из ряда моих поклонниц, я тоже, наверное, сомневался бы, но не испытывал бы и тысячной доли волнения, которое охватило меня именно в то утро. Лиза была адвокатом, причем адвокатом широкого профиля, и защищала своих подопечных (не люблю заезженного и дурно пахнущего словца «клиент») не только от тюрьмы, но, как говорили, даже от тени тюремной решетки. Или — от себя, от своих собственных и пока еще не имеющих отношения к реальным уголовным делам проблем.

Я пил кофе маленькими глотками и пытался мысленно начать разговор с этой умной и, возможно, циничной девушкой. Почему циничной? Быть может, это грубоватое слово, но мне всегда казалось, что люди, чья профессиональная деятельность связана с чужим горем, обрастают непробиваемой кожей, которая не позволяет проникнуть в их жизнь отраве чужих проблем. Именно ее я называю здоровым профессиональным цинизмом. Врачи, адвокаты, судьи, прокуроры, да мало ли...

Еще я волновался из-за того, что если Лиза Травина или ее помощница Глафира Кифер хотя бы немного интересуются музыкой и ходят в филармонию, то наверняка видели меня, слушали мою музыку, а потому без труда узнают в этом испуганном молодом человеке известного пианиста.

Еще этот туман. Вот если бы светило солнце, вчерашний звонок с того света не показался бы мне таким страшным. Возможно, подсвеченный золотым сиянием солнца, он стал бы чьим-то нелепым, но достойным прощения розыгрышем. Хотя нет, кажется, я переоценил степень своей доброты к автору этой очень злой шутки.

И вот я уже на крыльце старинного особняка, в котором находилась адвокатская контора Травиной. Быть может, в другой день я оценил бы роскошь лепки на фасаде и красоту кованой ажурной решетки, но тогда я чувствовал себя крайне неуверенно и думал только об одном, вернее об

одной — моей жене Валентине, чей труп я опознал три дня назад.

— Господин Смирнов?

За большим письменным столом, заваленным бумагами и книгами, сидела хрупкая русоволосая девушка и внимательно рассматривала меня. Черный свитер украшало ожерелье из крупных блестящих красных камней, что выглядело неожиданно и грубовато.

— Да, это я.

— Проходите, пожалуйста. Что, не нравится? — Она коснулась пальцами ожерелья и смешно сморщила свой маленький аккуратный нос. — Мне, честно говоря, тоже. Но говорят, эти камни приносят удачу. Садитесь.

Я сел в довольно высокое, но на редкость удобное кресло. Тотчас в кабинете появилась рыжеволосая пухленькая молодая женщина в широких песочного цвета штанах и зеленом толстом свитере.

— Это Глафира Кифер, мы работаем вместе, — представила свою помощницу Травина. — Слушаю вас.

— У меня была жена, — начал я неуверенно. — Еще недавно была. Она погибла три дня назад, ее зарезали в ресторане «Фог».

— «Фог»?

— Переводится как «Туман». Это новый ресторан, — повернувшись к Травиной, пояснила Глафира. — Он находится на месте ресторана «Лондон». Вернее, его просто переименовали, там ка-

кие-то проблемы были с документами. Все прочее осталось прежним.

— Известно, кто убил?

— Нет, неизвестно, — ответил я, собираясь с силами, чтобы перейти наконец к истинной причине своего визита. — Вы будете удивлены, но я пришел к вам не для того, чтобы выяснить, кто убил Валю. Да, ее убили, это точно, и я собственными глазами видел ее в морге на столе, я опознал ее. Это, повторяю, случилось три дня назад. А вчера во второй половине дня она мне позвонила. Попросила прощения за то, что надолго уехала, сказала, что у нее дела и она скоро вернется...

Женщины, слушавшие меня, переглянулись.

— Звонок с того света? — спросила Лиза.

— Что-то вроде того.

— Голос точно принадлежал вашей жене?

— Точно. Нет, я понимаю, конечно, что голос мог быть записан, и, скорее всего, это именно так, только я никак не пойму, кому понадобилось так глубоко изучить нашу жизнь, не говоря уже о том, чтобы убить Валю, а потом устроить этот чудовищный звонок. Во всем этом есть какая-то тайна, и вот в этом я хотел бы разобраться с вашей помощью.

— Где происходило опознание?

— В морге на Большой Казачьей.

— И вы действительно опознали тело вашей жены?

— Признаюсь, что находился там буквально несколько секунд, потому что едва нашел силы пройти эту процедуру. Но это была она, Валя.

В сущности, она почти не изменилась, я хочу сказать, она лежала там как живая. Если бы не жуткая рана на груди, я мог бы, скажем, предположить, что это была инсценировка, что меня просто разыграли. Боже, что я несу?

Последнюю фразу я произнес, чувствуя прилив дурноты, как если бы реальность мощным ударом обрушилась на меня, не оставляя ни малейшей надежды, что жена все еще жива.

В тот момент мне хотелось одного — чтобы эти две женщины поняли, что я не сумасшедший и что вполне допускаю возможность какой-то хитрой и злой игры, но только не воскрешение моей жены. Я очень, очень боялся за свой рассудок.

— Да вы успокойтесь. Если судить по тем фактам, о которых вы нам рассказали, здесь возможны всего два варианта. Первый — в морге была не ваша жена. Второй — звонившая вам женщина, к сожалению, тоже не она. Хотелось бы, конечно, чтобы ваша жена была жива, но мы все проверим. Как ее звали? Расскажите о том, что вообще произошло. Что вы знаете об убийстве?

— Я пианист...

— Точно, а я все думаю, где я видела ваше лицо! — воскликнула Глафира. — Вы пианист, и афишами с вашей фотографией обклеен весь город. Сергей Смирнов — «Картинки с выставки» Мусоргского, Рахманинов Концерт номер два!

Что ж, адвокат, хотя бы немного разбирающийся в классической музыке, — это всегда приятно. Я сразу стер границу между Лизой Травиной

и ее помощницей, которую поначалу посчитал ее секретарем.

— Ваша жена тоже музыкант?

— Нет, Валентина не музыкант. Она хозяйка картинной галереи «Артист» на набережной.

Думаю, чтобы разобраться в том, что произошло, им надо было бы рассказать всю правду о наших с Валентиной отношениях, о нашем непростом браке. Однако я вдруг понял, что не готов так раскрываться. Особенно теперь, когда Вали нет в живых и я еще не вполне осознал этот факт, а потому все вокруг представляется мне каким-то размытым сном. Как это — ее нет? Как ее зарезали? Кто? За что? Да она была милейшим человеком! Ее просто не за что было убивать. С ней всегда можно было договориться. Вокруг галереи не было смысла искать мотив убийства. Любой художник мог выставить там свое творение, благо площадь позволяла. И необязательно это должен был быть профессиональный живописец. Это мог быть любой человек, посчитавший, что его творение достойно продажи. Сколько раз случилось, что люди творческие, но без специального образования выставляли свои работы, которые охотно покупали такие же, как они, любители. Валя считала, что любому творцу надо давать возможность показать свои работы. Если бы меня тогда спросили о чем-то конкретном, приносит ли галерея доход или что-нибудь в этом роде, вот тогда бы я точно растерялся, поскольку ничего об этом не знал. Да, время от времени Валя рассказывала, что куплена та или иная картина, и я

видел, как загорались у нее при этом глаза, как она вся сияла, словно купили ее собственное творение. Но обо всем, что касалось денег, она никогда не говорила. Возможно, это потому, что деньги вообще не интересовали мою жену — она была баснословно богата.

У меня на языке вертелось: «Может, мотив убийства следует искать в ее прошлом?» Но я так и не произнес эти слова, не посмел, словно этим я предал бы ее, раскрыл бы ее тайну. Нашу тайну.

— Мой муж был настоящим бандитом, — сказала она мне в нашу первую встречу, и я сразу открыл глаза.

Больничная палата, в которой я уже не просто лечился, но, по сути, жил, в тот момент, когда я увидел Валентину, стала еще более унылой.

Я не понимал, что рядом со мной делает эта девушка в красном вызывающем платье с черной лакированной сумочкой, которую она нервно тербила пальцами с длинными блестящими ногтями. Наверное, она пришла к моему соседу по палате, который снова отправился в сестринскую кадрить медсестру Катю. Или откуда-то узнала, что я тот самый Сергей Смирнов. Пианист, карьера которого закатилась в тот момент, когда в мой автомобиль врезался грузовик. Тот, кто меньше всего хотел, чтобы его имя трепали в прессе в связи с этой аварией.

— Это вы к чему? — Я с трудом разлепил губы. — Почему вы рассказываете мне о своем муже? Вы кто вообще?

— Меня зовут Валентина.

Я отвернулся к стене. Не хотел, чтобы она видела мои еще не зажившие раны, подсохшую мазь на них, приклеенные к коже ниточки марлевых повязок. Не сказать, чтобы мое лицо было сильно изуродовано, слава богу, кости черепа не пострадали, но вот кожа в нескольких местах была порезана, порвана, и все эти раны сильно болели. Особенно я страдал во время перевязок, когда медсестра отмачивала бинты желтым раствором фурацилина или просто теплой водой.

— Если вы пришли к моему соседу, то он скоро вернется. У него процедуры, — буркнул я, желая, чтобы она ушла как можно скорее.

— Я пришла к вам, Сергей. Вы же Сергей Смирнов, пианист. Я была на вашем концерте.

— Вы журналистка? — Я резко повернулся, да так, что заныли мои сломанные ребра.

— Уверяю вас, я не журналистка, поэтому не стану расспрашивать вас ни о чем. Просто хочу помочь вам. Все, что мне нужно, я узнала от вашего врача. Не поймите превратно, речь не идет о врачебной тайне. Просто я выяснила, что с вашими драгоценными руками, слава богу, все в порядке. Да и с ногами тоже. Это я к тому, что когда вы поправитесь (а вы непременно поправитесь), то сможете продолжать свою концертную деятельность. Вам нужно просто выздороветь и вернуться в прежнюю жизнь.

Голос ее звучал бодро, но эта бодрость относилась все же к ее жизни, к ее мироощущению, но не к моему.

Я почувствовал, как слезы покатались по моим щекам, попали в раны, и сморщился от боли. Препятствия? Да что она может знать о моей жизни? Моя мать, которая сидела рядом со мной в машине в момент аварии, умерла, не приходя в сознание. Чтобы спасти ее, я продал нашу квартиру. Однако все оплаченные операции не помогли, и мама скончалась за неделю до того, как в мою палату, вернее в мою жизнь, вошла эта девушка в красном платье.

Деньги я тратил в те дни с легкостью человека, вплотную столкнувшегося с тяжелой болезнью близкого, когда нет ничего важнее сохранения жизни этого человека.

Все мои прежние планы и мечты казались в то время незначительными, тем более что я сам был более-менее здоров и откуда-то знал, что обязательно восстановлюсь. Что же касается моего душевного состояния, оно было окрашено в серо-черные, холодные тона. Солнце не заглядывало в мою душу, не согревало ее.

— Не пойму, зачем вы здесь, — сказал я раздраженно, желая, чтобы она наконец ушла и я смог спокойно лечь на спину и отдохнуть от боли.

— Говорю же — хочу вам помочь. Я знаю, что вы продали квартиру, что у вас нет средств на лечение. Что вы, талантливый человек, находитесь в бедственном положении.

— Вы что, решили предложить мне продать вам свою душу? — горько усмехнулся я Мефистофелю в красном платье.

— Почти.

Я все же повернулся к ней. Красивая девушка, очень ухоженная, с внимательными умными глазами.

— Что вы хотите?

— Я хочу, чтобы вы женились на мне, и тогда я сделаю для вас все, что только возможно сделать за деньги. А у меня их много.

— Вы делаете мне, человеку, который вас совсем не знает, предложение руки и сердца? Что это, грубый розыгрыш или насмешка? Я не понимаю.

— Конечно, мое предложение звучит странно, и вы не можете понять, зачем мне этот брак. Не уверена, что вы сейчас в состоянии понять, о чем я собираюсь вам сказать. Я знаю, вы еще испытываете боль, вы страдаете физически, не говоря уже о боли душевной. Поэтому я предлагаю отложить наш разговор на потом. Скажем, я приду к вам через неделю, согласны? — Не дожидаясь моего ответа, она продолжила: — А пока что я оплачу вам палату люкс, уход, лечение, лучшие лекарства, процедуры, словом, сделаю все возможное, чтобы вы как можно скорее поправились. Если вы не против, я заплачу хирургу, который сделает пластическую коррекцию лица, чтобы от ваших ран не осталось шрамов. Вы согласны?

— Что вам нужно от меня?

Но она больше не сказала ни слова. Просто встала и вышла из палаты, бросив на прощание долгий задумчивый взгляд.

Я подумал, что она мне все же приснилась. Или — в порядке бреда — эта девушка хочет замуж

за меня из-за фантастического наследства, обрушившегося на мою больную голову, пока я лежал в больнице.

Возможно, именно тогда, представив себя героем комедийного фильма, я впервые за долгое время улыбнулся.

Милые адвокатши задавали мне еще какие-то вопросы, но мои ответы нисколько не проясняли картину преступления. Из моего рассказа следовало, что мы обыкновенная пара, люди творческих профессий, дорогу никому не перебежали, бизнес ни у кого не отбирали, да и видимых врагов у нас как будто бы нет.

Задавали мне вопросы и о моей профессии, моих концертах. Интересовались, были ли у меня среди коллег-музыкантов недруги или завистники, которые таким вот иезуитским способом, убив мою жену, могли бы попытаться вывести меня из душевного равновесия. Но ничего такого в моей жизни не наблюдалось.

— А что вы делали в ресторане «Фог»? — спросила Лиза Травина чуть ли не виноватым тоном.

— Ужинали, — коротко ответил я.

Разве мог я тогда признаться, что наши ужины в определенных местах, появление в определенных кругах и участие в определенных мероприятиях составляли суть наших деловых, я бы даже сказал, партнерских отношений с женой?

И уж тем более я не мог признаться, что женой в полном смысле Валя мне никогда не была. Хотя мне хотелось этого, что называется, до скрежета зубовного, до судорог, и никто не знает, какую